
А. В. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

**Старообрядцы и их книгопечатная деятельность:
Проблемы изучения**

О важности изучения типографской деятельности старообрядцев едва ли имеет смысл говорить особо, поскольку по количеству выпущенных в конце XVIII—начале XIX в. изданий она вполне сопоставима с деятельностью официальных типографий, выпускавших кириллические книги, пусть немного и уступает им. При этом печатание книг кирилловским шрифтом в XVIII в. становится для официальной культуры периферийным, но полностью сохраняет значение для культуры старообрядческой, которая в своей основе была книжной, причем ориентированной уже на печатную, а не на рукописную книгу, хотя именно в сохранении рукописной традиции видят порою одну из особенностей и одну из главных заслуг старообрядческой книжности.¹ И приобретение книгой столь заметного места в культуре старообрядцев кажется совсем не случайным: серьезное изменение богослужебных обрядов, а следовательно, и литургических книг, стало одной из причин раскола в русской церкви, случившегося в середине XVII в. и приведшего в итоге к появлению старообрядчества.

Время, на которое пришлось эти трагические события в истории русской церкви, стало определяющим для возникновения довольно своеобразного отношения старообрядцев к книге, в частности оно имело влияние на их пристрастие к книге печатной. Естественно, они никогда не чурались и рукописей, древность которых, напротив, только служила усилению испытываемого к ним пиетета, однако занятие перепиской книг и созданием новых их списков было для старообрядцев делом, к которому их вынуждало лишь отсутствие возможности размножения книг более привычным типографским способом. Они были людьми уже книгопечатной эпохи. Неудивительно поэтому, что и первые старообрядческие писатели, как это подчеркивает в своих исследованиях Н. Ю. Бубнов, зачастую стремились придать

¹ *Розов Н. Н.* О культурно-историческом значении рукописной книги после введения книгопечатания в России // Русские книги и библиотеки в XVI—первой половине XIX века. Л., 1983. С. 18—22.

своим сочинениям вид печатной книги,² авторитетность которой была к середине XVII в. прочно усвоена обществом.

Вместе с тем роль книги в жизни старообрядцев была иной, чем для людей, живших в середине XVII в. Те, несомненно, почитали книгу, испытывали к ней глубокое уважение, однако она не была для них постоянным спутником жизни, почему они довольно легко расставались с нею. Более того, зачастую книги в XVII в. и приобретались только лишь для положения в храм,³ чем люди той поры предполагали способствовать достижению спасения для своих покойных родственников. Напротив, у старообрядцев книга превратилась в неотъемлемую часть их быта; как правило, она покупалась в сугубо личное пользование, поскольку из-за возникновения порою затруднений в том, чтобы участвовать в соборном богослужении, особую роль в старообрядчестве стало играть исполнение домашней молитвы, в которую со временем были перенесены и отдельные обыкновения келейного правила. Отсутствие необходимых для совершения домашней молитвы книг ставило старообрядца в трудное положение, без них он лишался возможности необходимого общения с Богом, что было недопустимо для верующего человека.

Именно поэтому ощущение «нехватки книг», которой обычно объясняют причину возникновения старообрядческого книгопечатания, могло появиться через довольно непродолжительное время после того, как в обществе произошел раскол, отчего и первые печатные книги, предназначенные собственно для старообрядцев, стали печататься уже в самом начале XVIII в. Эти книги появились на свет в могилевской типографии Максима Воцанки, не испытывавшего никаких сомнений в правильности своих действий, когда речь шла о коммерческом успехе его предприятия; они были изданы по заказу калужского купца Эраста Степановича Кадмина,⁴ и имели одну очень важную особенность: они представляли собою не перепечатку какого-либо московского издания, но своеобразную выборку сразу из нескольких изданий.⁵ И этот факт не только опровергает установившийся миф, что в своей типографской деятельности старообрядцы следовали избранным образцам «ни в чем отменно», но и показывает, что уже на самом раннем этапе развития в старообрядческой книжности культивировалось книготорчество, одной из форм которого было специальное приспособление старообрядцами книг для своих нужд. Впоследствии такой подход к книгам нашел отражение в бытовании экземпляров московских дониконских изданий, состав которых получал значительные изменения за счет

² Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: Источники, типы и эволюция. СПб., 1995. С. 38–40.

³ Вознесенский А. В. 1) Материалы архива московского Печатного двора и их использование для изучения книготорговли и чтения в России в XVII в. // Третьи Лупповские чтения: Доклады и сообщения. Санкт-Петербург, 12 мая 2010 г. СПб., 2011. С. 50–52; 2) О фактах и факторах русской культуры XVII века // Книжная старина. СПб., 2011. Вып. 2. С. 207–208.

⁴ Вознесенский А. В., Мангилев П. И., Погинская И. В. Книгоиздательская деятельность старообрядцев (1701–1918): Материалы к словарю. Екатеринбург, 1996. С. 18.

⁵ Вознесенский А. В. Старообрядческие издания XVIII–начала XIX века: Введение в изучение. СПб., 1996. С. 14.

разного рода вставок, как рукописных, так и являвшихся фрагментами других изданий, в том числе старообрядческих.⁶

Впрочем, простая перепечатка московских дониконовских изданий также могла производиться старообрядцами, однако, как правило, это были книги, которые оказывалось невозможно приспособить для домашней молитвы. В связи с этим серьезные сомнения возникают при знакомстве с точкой зрения А. А. Круминга, который в своем докладе на Федоровских чтениях в 2007 г. предложил считать первым старообрядческим изданием Святцы, напечатанные в 1680 г. в типографии Киево-Печерской лавры. Главным аргументом для признания этой книги старообрядческой стал для А. А. Круминга сам факт перепечатки на Украине в послениконовскую пору дониконовского московского издания, хотя для сделанных им затем выводов этот факт не представляется достаточным. Нет смысла отрицать, что в 1680 г. в Киеве действительно были перепечатаны московские Святцы 1648 г., причем в лаврской типографии попытались воспроизвести в том числе внешний вид книги. Однако важно отметить и другую особенность нового издания, связанную с тем, что также в книге имитировалась форма выходных сведений, как их печатали в московских книгах; и в этих выходных сведениях упоминались не только издание 1648 г., царь Алексей Михайлович и патриарх Иосиф, но одновременно и царь Феодор Алексеевич и патриарх Иоаким; указывалась в них и причина выпуска книги не в Москве, а в Печерской лавре, а именно то, что она «на моление его государския многочисленна рати бывшая под богоспасаемым градом киевом ради заступления от безбожнаго бисурмана турецкаго сольтана обновлена бысть».⁷

Чтобы понять, почему в Киеве в 1680 г. было перепечатано именно дониконовское издание, необходимо обратиться к истории украинского книгопечатания, при рассмотрении которой оказывается, что этот случай не был единственным. В 1676 г. в Новгороде Северском по инициативе Лазаря Барановича было выпущено Поучение новопоставленному иерею и опять не по уже существовавшему к тому времени правленному московскому изданию 1670 г., а по иосифовскому – напечатанному в 1649 г. Помещено оно было при Дидаскалии Сильвестра Коссова, причем взятым из московского издания текстом заменили тот, который печатался в более раннем издании этого сборника, осуществленном во Львове в 1642 г.⁸ Этот случай показывает, что в 70-х гг. XVII в. на Украине печатание книги в московской манере не было диковиной, однако трудно даже предположить, чтобы инициаторами издания подобных книг являлись старообрядцы. Более вероятно, что ориентация на московские издания виделась украинским типографам удобным способом выйти на московский книжный рынок, поскольку попытки продавать в начале 70-х в Москве собственные украинские книги оказались не очень удачными. Обращение при этом украинских типогра-

⁶ Это легко показать на примере бытования экземпляров дониконовских изданий Псалтири (см.: *Вознесенский А. В. К истории славянской печатной Псалтири: Московская традиция XVI–XVII веков: Простая Псалтирь*. М.; СПб., 2010. С. 166–170).

⁷ Святцы. Киев, 1680. Л. [1] об.

⁸ Подробнее об этом см.: *Вознесенский А. В. Об одном издательском проекте патриарха Иосифа: Поучение святительское новопоставленному иерею 1649 года // Litterarum fructus: Сборник статей в честь С. И. Николаева*. СПб., 2012. С. 49–50.

фов как раз к иосифовским изданиям было, скорее всего, случайным, находящим себе объяснение в недостаточной их осведомленности в русских книжных делах.

Не исключено, что свою роль в этом случае сыграло и то, как воспринимались новые и старые, правленные и неправленные книги в самой Москве. И хотя вопрос этот нуждается в дополнительном исследовании, как представляется, можно говорить о том, что непримиримость по отношению к книгам противной стороны характеризовала прежде всего позицию противников реформ. Известны, к примеру, случай сожжения Аввакумом правленной Псалтири (он описан в Житии Аввакума) или отказ на Соловках от использования новых Службников, пусть подобная реакция была совсем не повсеместной и далеко не всегда столь резкой (так, единственный известный мне экземпляр правленной Псалтири 1658 г. несет на своих страницах еще и правку владельца, которая может быть расценена только как старообрядческая). Примечательно, что сторонниками реформ подобные действия, кажется, не производились вовсе; замена одних книг другими шла постепенно, по мере создания для этого возможности, но и даже тогда, когда такая возможность появлялась, — совсем не последовательно.

Книготворчество пронизывает всю типографскую деятельность старообрядцев, которые с легкостью расставались с тем, что им казалось в книгах излишним и ненужным, и без всяких сомнений включали в них свои дополнения. Это нетрудно показать на примере того, как в конце XVIII—начале XIX в. издавались Службы, житие и чудеса Николы Чудотворца. Первые старообрядческие издания этой книги появились еще в 80-х гг. XVIII в., причем тотчас же возникли две традиции ее печатания, различия которых лежали уже в выборе источника среди московских изданий. Одна, которую следует назвать гродненско-супрасльской, поскольку она поддерживалась изданиями, выходившими в Гродно и Супрасле, обращалась к московскому изданию 1643 г., другая, культивируемая в Клинцах, напротив, называла в качестве образца московское издание 1641 г. Издания этой книги, три — в пределах первой традиции⁹ и четыре — в пределах второй,¹⁰ печатались лишь до начала 90-х гг. XVIII в., в них всегда воспроизводились выходные сведения московских оригиналов, причем в случае с гродненским изданием 1781 г. нельзя не отметить уверений типографов, что оно перепечатано «ни в чем отменно».¹¹

О том, насколько справедливы были эти уверения, можно будет судить только после полного сопоставления текстов гродненского и старого московского изданий (впрочем, могу утверждать: не вполне справедливы), однако о том, что книги клинцовского выхода своему образцу не соответствовали, есть основания говорить прямо сейчас. Уже в первой из них, напечатанной в типографии Д. Рукавишника 12 октября 1786 г., обнаруживается вставка,¹² в которой содержится текст Сказания о чудесах Николы,

⁹ См.: Вознесенский А. В. Кириллические издания старообрядческих типографий конца XVIII—начала XIX века: Каталог. Л., 1991. № 239, 335, 345.

¹⁰ Там же. № 272, 277, 290, 12.

¹¹ Службы, житие и чудеса Николы Чудотворца. Гродно, 1781. Л. [1] в конце книги.

¹² Службы, житие и чудеса Николы Чудотворца. Клинцы: Тип. Д. Рукавишника, 1786. Л. 64₂—64₃.

служивший предисловием к Житию в московском издании 1643 г. и отсутствовавший в издании 1641 г. Однако на этом изменения состава книги не закончились. Еще одна вставка появилась в издании, напечатанном в типографии Я. Железникова не ранее 1788 г., но имевшем дату, заимствованную из уже упомянутого первого клинцовского издания.¹³ Этой вставкой вносились в книгу тексты, которых вообще не было в московских изданиях, но которые стали дополнением к службе 9 мая на перенесение мощей Николы, превратившейся теперь в «службу велицей вечерни» (замечу, что в московских изданиях речь шла просто о «службе вечерни»). Вставка заключала в себе текст стихир «на Господи воззвах» и «на стиховне», которые следовало употреблять в случае отправления «малой вечерни» и которые отличались от положенных на вечерне великой. Примечательно, что в выходные сведения книги типографы внесли утверждение о печатании ее «ни в чем же отменно»,¹⁴ чего не было в предшествовавших изданиях клинцовой традиции.

Небезынтересной представляется и дальнейшая история издания Служб, жития и чудес Николы, которое возобновилось выпуском книги в Вильне в 1800 г.¹⁵ При подготовке ее к печати виленские типографы решили избрать образцом московское издание 1643 г., увеличив, правда, при этом количество строк на странице, вероятно, для удешевления книги. Все последующие издания Служб, жития и чудес Николы следовали за виленским, взяв его за основу, однако далеко не всегда то, что выходило из-под печатного станка, оказывалось простым повторением оригинала. С этой точки зрения показательно клинцовское издание, напечатанное не ранее 1808 г., без даты и с указанием Почаева в качестве места его выхода.¹⁶ В этом издании содержание книги подверглось изменениям, причем появление одного из них можно было предугадать, так как оно уже имело место ранее. И пусть на этот раз типографам пришлось вносить в книгу два дополнительных листа, но перед службой 9 мая в ней опять были напечатаны стихиры малой вечерни. Другим изменением содержания книги стало изъятие из нее так называемого грамматического послесловия, текст которого распространял колофон московского издания 1643 г., разъясняя правила чтения буквы «ижица», использованной в его тексте, прежде всего, при указании места святительского служения Николая Чудотворца. Чем было вызвано это изменение, можно только предполагать, хотя, возможно, свою роль здесь сыграла память о прежней клинцовой традиции, основанной на московском издании 1641 г., в котором никаких грамматических послесловий не было.

Столь свободное обращение с образцами, как московскими, так и собственно старообрядческими, которое очевидно при рассмотрении истории печатания Служб, жития и чудес Николы, не было исключением, напротив, оно являлось правилом. Поэтому следует очень осторожно относиться

¹³ Службы, житие и чудеса Николы Чудотворца. Клинцы: Тип. Я. Железникова, 1786 [не ранее 1788 г.]. Л. 43–45.

¹⁴ Там же. Л. 251 об.

¹⁵ *Вознесенский А. В.* Кириллические издания старообрядческих типографий... № 113.

¹⁶ Там же. № 87.

к указаниям старообрядцев на то, что послужило им в качестве источника «нивчемотменной» перепечатки. Указание на московские печатные книги дониконовской эпохи было для них только своего рода знаком, сигнализирующим об истинности новых изданий, об их равноценности московским, об их пригодности для употребления старообрядцами. Не случайно впоследствии типографы отказались от точного называния источника своих изданий вовсе, ограничившись лишь сообщением о том, что в этом качестве ими была использована книга, напечатанная при царе Алексее Михайловиче и патриархе Иосифе, имя которого должно было теперь служить сигналом того же рода.¹⁷ С этой точки зрения особую важность имело еще и упоминание о порядковом номере издания, которое оставалось неизменным от издания к изданию: почти во всех случаях выпущенные старообрядцами книги характеризовались как напечатанные «вторым тиснением».¹⁸ Нужно думать, тем самым типографы пытались сообщить возможному покупателю своих изданий, что выбранная им книга не старая, но новая, собственно старообрядческая и, следовательно, получившая необходимое усовершенствование ее состава.

Ориентация на собственную книжную традицию, для каких книг уже сложившуюся, для каких — еще находящуюся в процессе становления, приводила к тому, что изменения, вносимые старообрядцами в состав традиционных богослужебных книг, а на печатный стан попадали только те из них, в издании которых видели действительную нужду, были порою настолько радикальны, что это вело к изменению назначения книги. Именно так, например, было в истории с Канонниками, которые в московской печатной традиции заключали в себе молитвословия, способствовавшие отражению в домашней молитве недельного цикла богослужения, а именно: каноны «всея седмицы».¹⁹ У старообрядцев они были заменены избранными канонами, принадлежавшими к годовому циклу богослужения, а также канонами, которые можно назвать канонами «на потребу», т. е. обращенными к святым, способным оказать необходимое воздействие на природные стихии, врачевать те или иные болезни и пороки.²⁰ При этом каноны «всея седмицы», не исчезнув вовсе из Канонника, а только растворившись среди многочисленных его новых статей, также нашли себе новое пристанище, попав в состав старообрядческого Часовника.

Вместе с тем отношение старообрядцев к наследию Печатного двора было не столь простым, как это могло бы показаться на первый взгляд. Они превосходно знали московские дониконовские издания, хорошо разбирались в тонкостях, и сейчас известных и понятных далеко не всем библиографам. К примеру, при напечатании Псалтири, в равной мере используя и сентябрьское, и декабрьское издания 1645 г., старообрядческие типографы никогда не допускали той ошибки, которая, к сожалению, закралась в сводный каталог А. С. Зерновой: называя источником «перепечатки» сентябрьскую Псалтирь 1645 г., они никогда не печатали в составе книги

¹⁷ Вознесенский А. В. Старообрядческие издания XVIII—начала XIX века. С. 16—17.

¹⁸ Там же. С. 14, сноска 37.

¹⁹ Вознесенский А. В. Канонник как тип книги у старообрядцев // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 359—361.

²⁰ Там же. С. 361—365.

«Наказание ко учителем», которое появилось уже только в декабрьском издании этого года. Не случайно также старообрядцы стали дополнять издаваемые ими Псалтири Месяцесловом: опыт подобного соединения известен в истории этой книги в московской дониконовской традиции, пусть об этом долгое время не догадывались библиографы.²¹

Впрочем, познания в истории Печатного двора оказались у старообрядцев еще более глубокими и основательными, чем можно было бы предположить. Понимание этого факта пришло только в самые последние годы, хотя старообрядческие типографы и не думали того скрывать, перепечатав Катехизис Лаврентия Зизания — издание, так и не вышедшее из типографии и известное лишь по единичным, чудом сохранившимся экземплярам. При этом они сумели указать и точное время, когда на Печатном дворе производились работы над этой книгой. Не меньшую осведомленность старообрядцы проявили в том, что происходило в московской типографии в последние предниконовские годы. Сейчас, благодаря исследованиям Н. И. Николаева, О. С. Сапожниковой и Н. В. Савельевой, можно с полным основанием утверждать, что и Азбучный Патерик, и Альфа и Омега, книги, которые впервые были изданы старообрядцами, действительно готовились в Москве к печати, но по известному стечению обстоятельств там выпущены не были.²²

То, что можно сейчас сказать о старообрядческом книгопечатании, к сожалению, приходится говорить только на основании небольшого этапа его истории, включающего в себя типографскую деятельность старообрядцев в XVIII—начале XIX в., т. е. до времени создания единоверческой печати, в которую ушли типографские материалы, принадлежавшие Акиму Карташеву. Следующие 100 лет его существования до сих пор не получили сколько-нибудь полного и последовательного освещения,²³ хотя некоторые аспекты проблемы и были изучены И. В. Починской;²⁴ однако, как представляется, более подробному исследованию препятствует невероятно

²¹ Вознесенский А. В. К истории установления старообрядческого типа Псалтырей и Часовников // Старообрядчество в России: (XVII—XX вв.) / Отв. ред., сост. Е. М. Юхименко. М., 2004. Вып. 3. С. 234—238.

²² Николаев Н. И. Патерик Азбучно-Иерусалимский // Словарь книжников. Л., 1987. Вып. 1. С. 302; Сапожникова О. С. Русский книжник XVII века Сергей Шелонин: Редакторская деятельность. М.; СПб., 2010. С. 130; Савельева Н. В. Неизвестный западнорусский автор иеромонах Гедеон, игумен Бизюкова монастыря, и московское книгопечатание середины XVII в. // Книжная старина. СПб., 2011. Вып. 2. С. 97—102.

²³ Исключение составляет лишь деятельность типографии на Мазурах, неизменно привлекавшая внимание польских исследователей, см.: Iwaniec E. 1) Wydawnictwa staroobrzędowców na terenie Polski i ich staroruskie tradycje // Zeszyty naukowe uniwersytetu Łódzkiego. (Łódź), 1976. Ser. 1. Zesz. 109. S. 65—70; 2) Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII—XX w. Warszawa, 1977. S. 127—135; Jaroszewicz-Pieresławcew Z. Starowiercy w Polsce i ich księgi. Olsztyn, 1995. S. 98—103, 161—163 (Rozprawy i materiały Ośrodka Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego w Olsztynie, № 145).

²⁴ Вознесенский А. В., Мангилев П. И., Погинская И. В. Книгоиздательская деятельность старообрядцев: (1701—1918). С. 25—70 (раздел написан И. В. Починской); Погинская И. В., Мангилев П. И., Ануфриева Н. В. Рукописные и старопечатные книги кириллической традиции: Изучение, описание, хранение: Учеб. пособие / Отв. ред. И. В. Починская. Екатеринбург, 2010. С. 394—419. В этих работах находится и литература вопроса.

большой объем подлежащего рассмотрению материала и крайне незначительные наработки, имеющиеся в науке на сей день.

Впрочем, и старообрядческое книгопечатание XVIII—начала XIX в. нельзя считать изученным в полной мере, ведь, даже несмотря на то, что уже удалось собрать сведения о многих изданиях, выпущенных в тот период, немало их до сих пор остается вне поля зрения исследователей. И лишь активизация в последнее время работы, связанной с описанием коллекций библиотек и музеев, позволяет надеяться, что когда-нибудь будет создана возможность по-настоящему оценить вклад старообрядцев той поры в русскую печатную книжность. Правда, для достижения этого необходимо будет разобраться в одном важном вопросе: являлись ли издания, близкие по времени выхода и имеющие одинаковые выходные сведения, но при этом характеризующиеся разницей в наборе, отдельными изданиями или их появление стало следствием печатания одного издания в несколько наборов для увеличения его тиража?

В числе нерешенных нетрудно назвать ряд других проблем, которые также требуют специального рассмотрения, притом что и по сей день новых открытий можно ждать от архивных разысканий. В 90-х гг. прошлого столетия ими много и довольно успешно занималась И. В. Починская,²⁵ однако ей, конечно же, не удалось охватить всех материалов, в связи с чем, нужно думать, немало их продолжает покоиться в архивных фондах. Именно поэтому исследователям остается возможность для уточнения даже тех сведений, которые, казалось бы, не вызывают сейчас никакого сомнения. К примеру, не так давно краевед Р. И. Перекрестов на основании документов нескольких архивов смог доказать, что содержанием типографии в Клинцах в 80-х гг. XVIII в. в действительности был не мифический Дмитрий Степанович Рукавишников, а купец Дмитрий Васильевич Рукавишников, избранный в 1782 г. одним из двух первых клинцовских бургомистров.²⁶

Важнейшим направлением в исследовании старообрядческих изданий следует признать их типологическое изучение. Как упоминалось, старообрядцы даже в случаях с традиционными богослужебными книгами отдавали предпочтение особым видам этих книг, которые имело бы смысл рассматривать как собственно старообрядческие, но и эти книги не оставались неизменными. Старообрядческие типографы смело экспериментировали с их форматом, шрифтами, декоративным оформлением и, конечно же, содержанием. Эти вносимые в книги изменения, несомненно, не были произвольными и случайными, пусть их причины зачастую становятся ясны не сразу. Они были следствием напряженной культурной деятельности старообрядцев и поэтому содержат в себе неуловимые ее черты, которые могли остаться без обсуждения в сочинениях старообрядческих писателей, но которые при этом нуждаются во внимании исследователей, поскольку дают

²⁵ *Погинская И. В.* Старообрядческое книгопечатание XVIII—первой четверти XIX веков. Екатеринбург, 1994.

²⁶ *Перекрестов Р. И.* Биографические заметки о личности клинцовского книгоиздателя Дмитрия Рукавишникова // Древнерусская книжная традиция и современная народная литература: Тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., состоявшейся 14–16 окт. 1998 г. Нижний Новгород, 1998. С. 37–40.

свидетельства этой деятельности, не отягощенные ее публицистическим осмыслением.

Безусловную перспективу имеет для старообрядческих изданий и проведение текстологических изысканий, причем это касается в том числе традиционных богослужебных книг. Здесь наиболее важными представляются два вопроса: во-первых, об отношении старообрядцев к тексту московских изданий с точки зрения точности его передачи при перепечатывании и при этом правильности его понимания; во-вторых, об изменчивости текста книги со временем, в процессе его новых воспроизведений. Вопросы эти почти не привлекали внимания исследователей, что, вероятно, связано с существующим мифом о перепечатке старообрядцами московских изданий «слово в слово и буква в букву». Между тем после работы В. А. Ромодановской, сопоставившей Острожскую Библию с ее старообрядческим переизданием 1914 г. и обнаружившей целенаправленную правку библейского текста издателями,²⁷ они приобрели несомненную актуальность.

Таким образом, следует признать, что, несмотря на некоторые успехи, достигнутые в изучении типографской деятельности старообрядцев, прежде чем подводить какие-либо итоги, предстоит сделать еще очень и очень многое, однако без этих исследований наши представления о старообрядческой книжной культуре будут ущербны.

²⁷ Ромодановская В. А. К вопросу о правке в старообрядческом издании Острожской Библии (Москва, 1914): Изменения в орфографии // Русская книга в дореволюционной Сибири: Археография книжных памятников. Новосибирск, 1996. С. 137—150.